

УДК 343

DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-3-346-351

ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 174.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЛУПЫРЬ Максим Валерьевич*✉ urmax@bk.ru

Пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Россия

Аннотация. Автор статьи рассматривает проблемные вопросы субъективной стороны состава легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Акцентируя внимание на цели данного состава, автор с точки зрения гражданского права рассматривает юридическую возможность придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем, теми способами, которые указаны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». Исследовав значение правомочий владения, пользования и распоряжения автор приходит к выводу о том, что легализация (отмывание) возможна лишь путем осуществления таких действий, в результате которых будут созданы доказательства, обосновывающие законный характер происхождения и владения имуществом, приобретенным преступным путем, что будет приравниваться к наличию у виновного права собственности.

Ключевые слова: легализация, цель, владение, пользование, распоряжение, право собственности.

Purpose as a Sign of the Subjective Side of Corpus Delicti Provided By Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Lupyr' Maksim V.**✉ urmax@bk.ru

7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. The Author of the article considers the problematic issues of the subjective side of the corpus delicti of the legalization (laundering) of money or other property acquired by a person as a result of his committing a crime under Art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Focusing on the objectives of the composition, the Author, in terms of civil law, considers the legal possibility of imparting a lawful type of possession, use and disposal of money or other property acquired by criminal way, using the methods specified in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of July 7, 2015 №. 32 "On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal way, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal way". Having considered the value of the powers of possession, use and disposal, the Author comes to the conclusion that legalization (laundering) is possible only through the implementation of such actions, as a result of which evidence will be created justifying the legal nature of the origin and possession of the property acquired by criminal way, equated with the presence of the guilty right of ownership.

Keywords: legalization, purpose, possession, use, disposal, right of ownership.

Неотъемлемым признаком, характеризующим наличие состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), выступает наличие

* Преподаватель кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

** Lecturer of the Department of Criminal Law at Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

цели – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению. Она должна содержаться в действиях лица с преступно приобретенным имуществом. Использование законодателем данной формулировки является, на наш взгляд, весьма неудачным способом детализации субъективной стороны рассматриваемого посяательства. Основная причина – неясность применяемой терминологии, ведь ее значение не раскрывается даже отраслевым законодательством, что служит главной причиной спорных ситуаций, возникающих на практике при установлении субъективной стороны легализации (отмывания). В связи с этим предметом исследования настоящей статьи выступает юридическая конструкция, характеризующая содержание права собственности – «владение, пользование и распоряжение», а также допустимость ее применения в данном виде в ст. 174¹ УК РФ.

Содержащаяся в рассматриваемой уголовно-правовой норме юридическая конструкция «владение, пользование и распоряжение» была заимствована из Гражданского кодекса Российской Федерации. В части 1 ст. 209 ГК РФ говорится, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. В связи с этим возникает вопрос о том, какое значение законодатель придает этой конструкции, ведь, исходя из теории гражданского права, названные правомочия в общих случаях концентрируются у собственника имущества.

Рассмотрим, что именно в соответствии с теорией гражданского права понимается под владением, пользованием и распоряжением, а также правом собственности. Как отмечает С. С. Алексеев, «триада» раскрывает особенности статуса собственника с юридической стороны, а также абсолютность и исключительность его прав в качестве общедозволительных [1, с. 35]. В научной литературе также отмечается, что названные правомочия в своей совокупности исчерпывают все предоставленные собственнику возможности. Правомочие владения представляет собой основанную на законе (т. е. юридически обеспеченную) возможность иметь у себя данное имущество, содержать его в своем хозяйстве (обладать им, числить на своем балансе и т. п.). Правомочие пользования определяется как основанная на законе возможность эксплуатации, хозяйственного или иного использования

имущества путем извлечения из него полезных свойств, его потребления. Оно тесно связано с правомочием владения, ибо в большинстве случаев имуществом можно пользоваться, только фактически владея им. Под правомочием распоряжения выступает возможность определения юридической судьбы имущества путем изменения его принадлежности, состояния или назначения (отчуждения по договору, передачи по наследству, уничтожение и т. д.) [5, с. 311].

Кроме того, следует сказать, что право собственности в теории гражданского права определяется в субъективном и объективном смысле. В субъективном смысле оно заключается в имеющейся у собственника юридически обеспеченной возможности владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. В объективном же смысле право собственности понимается как система правовых норм, регулирующих отношения по поводу владения, пользования и распоряжения собственником принадлежащей ему вещью [4, с. 78].

Представленная нами характеристика отдельных правомочий раскрывает сущность каждого явления, которые в совокупности являются частью целого – права собственности. Характеристика самого же права собственности показывает нам общий статус лица по отношению к его имуществу.

Уголовный кодекс Российской Федерации, а также Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹ не раскрывают вопрос о том, что следует понимать под приданием правомерного вида владению, пользованию и распоряжению.

Правовым документом, детально определяющим признаки субъективной стороны рассматриваемого преступления, заключающиеся в придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению, является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»². В названном постановлении приводятся примеры лишь тех ситуаций,

¹ *Рос. газ.* 2001. 9 авг.

² *Бюл. Верх. Суда Рос. Федерации.* 2015. № 9.

которые потенциально могут быть направлены на легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества.

В пункте 10 вышеназванного постановления сказано, что под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем, как обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ, следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него. Данная цель может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указывая на то, что цель легализации (отмывания) может заключаться в сокрытии факта преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него, отступает от значения юридической конструкции «владения, пользования и распоряжения», установленного гражданским законодательством и теорией права, что, на наш взгляд, свидетельствует о некорректности ее использования в рассматриваемом составе преступления в данном виде. Кроме того, в постановлении Пленума не раскрывается значение, придаваемое юридической конструкции «владение, пользование и распоряжение».

Так, в пункте 10 рассматриваемого постановления указывается, что цель легализации (отмывания) может проявляться в приобретении недвижимого имущества, произведений искусства, предметов роскоши и т. п. при условии осознания и сокрытия виновным преступного происхождения денежных средств, за счет которых такое имущество приобретено; отчуждении имущества, приобретенного преступным путем, при отсутствии реальных расчетов или экономической целесообразности совершения таких сделок. Мы видим, что Пленум считает возможным расценивать данные действия как направленные на легализацию (отмывание) лишь при условии сокрытия источника происхождения денежных средств, а не придания им правомерного вида владения, пользования и распоряжения, т. е. пра-

ва собственности, перемещая данную стадию на действия, связанные с распоряжением преступно-приобретенными денежными средствами, выраженные в приобретении имущества.

Что касается сделок, направленных на распоряжение имуществом, его продажу лицом, которое приобрело его в результате совершенного им преступления, то такие действия способны породить права на такое имущество только у второй стороны сделки. Ведь, как мы уже упоминали, право распоряжения или сама суть действий, выраженных в распоряжении, заключается в определении юридической судьбы имущества путем изменения его принадлежности, состояния или назначения (отчуждения по договору, передачи по наследству, уничтожение и т. д.). Кроме того, простое осуществление действий по распоряжению преступно приобретенным имуществом, пусть даже и в рамках сделки, не придает таким действиям легитимного или правоустанавливающего характера, основываясь на которых можно было бы обосновать законность отчуждения имущества.

В качестве других разновидностей действий Пленум называет финансовые операции или сделки по обналичиванию денежных средств, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления), в том числе с использованием расчетных счетов фирм-«однодневок» или счетов физических лиц, не осведомленных о преступном происхождении соответствующих денежных средств; в совершении финансовых операций или сделок с участием подставных лиц, не осведомленных о том, что задействованные в данных финансовых операциях и сделках денежные средства и иное имущество приобретены преступным путем (в результате совершения преступления) и др. Как мы видим, предметом в данных случаях являются денежные средства, действия с которыми, как правило, осуществляются при помощи финансовых учреждений, где любые действия с денежными средствами совершаются посредством проведения финансовой операции. Но как мы уже сказали выше, такие действия лишь устраняют связь лица с денежными средствами в целях сокрытия факта их действительного происхождения при последующем их использовании, не придавая в то же время правомерный вид праву собственности на денежные средства, а только устраняя источник их незаконного происхождения.

Единственно верным ориентиром, характеризующим цель легализации (отмывания) – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению, соответствующим его гражданско-правовому значению, является указание Пленума на действия, заключающиеся в фальсификации оснований возникновения прав на денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем (в результате совершения преступления), в том числе гражданско-правовых договоров, первичных учетных документов и т. п. В данном примере Пленум ведет речь именно о фальсификации оснований возникновения прав на преступно-приобретенное имущество, что, безусловно, характеризует право владения, пользования и распоряжения как право собственности в том значении, которое ему определено в отраслевом законодательстве и теории права. Во всех остальных случаях, указанных в качестве возможных действий, связанных с легализацией (отмыванием), речь идет о приобретении на преступные денежные средства какого-либо имущества, осуществлении действий, направленных на распоряжение преступно приобретенным имуществом, либо действиях по обналичиванию преступных денежных средств, а также совершении сделок и финансовых операций с денежными средствами при помощи финансовых учреждений, которые, на наш взгляд, никак не могут придать правомерный вид владению, пользованию или распоряжению.

Таким образом, можно сказать, что значение юридической конструкции «владение, пользование и распоряжение», определяемое Пленумом, не согласуется с ее гражданско-правовым значением. Из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 следует, что под владением, пользованием и распоряжением Верховный Суд понимает не только действия, направленные на придание правомерного вида праву собственности, но и действия по его отчуждению разными способами.

Подобное положение негативно сказывается на результатах практической деятельности. Придавая иное значение юридической конструкции «владение, пользование и распоряжение», отличное от содержащегося в отраслевом законодательстве, Пленум включил в значение данной конструкции последствия, никак не связанные с обоснованием наличия правомочий владения, пользования и распоряжения либо всеобъемлющего права собственности.

Кроме того, сокрытие факта преступного происхождения имущества как цель легализации (отмывания) является, на наш взгляд, слишком объемным действием, не имеющим четких границ явлением. Возникает вопрос о том, что следует считать сокрытием, если мы знаем, что сделка как способ легализации (отмывания) может быть направлена лишь на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, в то время как для наличия рассматриваемого состава нас интересует лишь ситуация, связанная с незаконным возникновением прав на преступно приобретенное имущество.

Термин «сокрытие» буквально означает сохранение в тайне от других лиц какого-либо предмета или информации [6, с. 475]. В связи с этим сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота, по сути, может означать что угодно, исходя из буквального толкования, а именно утаивание, сохранение в тайне, неразглашение информации и т. д. В таком случае, круг возможных действий становится неограниченным.

Исходя из анализа рассматриваемого явления, следует сказать, что легализация (отмывание) представляет собой более сложный процесс, суть которого нельзя объяснить подобным образом. Подобное положение способно вызывать значительные сложности в установлении в действиях лица наличия цели легализации (отмывания) имущества, а именно движимых вещей, приобретенных лицом в результате совершения им преступления.

Приобретая движимое имущество одним из преступных способов, лицо приобретает фактическую возможность владеть им. В. А. Белов отмечает, что владение в гражданском праве выступает, как минимум, в четырех значениях, каждое из которых настолько специфично, что выделить из них одно общее весьма затруднительно. Первым значением владения является то, что оно одно из правомочий собственника вещи, т. е. рассматривается как правомочие, позволяющее собственнику господствовать над вещью, осуществляя над ней физическое обладание. Второе значение заключается в том, что на основе владения вещами сконструированы различные ограниченные вещные права. Третье, установление господства, обретение фактической власти над вещью – характерный и необходимый элемент для первоначальных

и производных способов приобретения права собственности. Например, если говорить о производных способах, то только договора о переходе права собственности от одного лица к другому недостаточно для возникновения права собственности у приобретателя, оно возникает лишь с передачей владения вещью на основании этого договора. Последнее, четвертое значение владения – это абстрактное, взятое вне зависимости от наличия или отсутствия субъективных гражданских прав обладание, фактическое господство над вещью. Такое владение является наиболее сложным для объяснения цивилистическим феноменом. В. А. Белов отмечает, что для изучения конструкции владения в этом спектре, не имеют особого значения юридические качества владения, приводя пример о том, что владение вора ничем не отличается от владения собственника или арендатора [3, с. 59].

На наш взгляд, ситуация, которая складывается вокруг рассматриваемого нами состава, говорит о приемлемости четвертого подхода, заключающегося в том, что любое владение каким-либо предметом следует воспринимать как фактическое господство над вещью. Кроме того, обоснованность применения данного подхода заключается в том, что даже незаконное владение движимым имуществом воспринимается окружающими как законное, в силу неочевидности всей ситуации, а именно приобретения лицом преступным путем имущества, которое находится в его владении. В связи с этим владение может расцениваться окружающими как право собственности.

В качестве примера можно привести следующий случай из судебной практики. Так, Х. органами предварительного следствия обвинялся в совершении финансовых операций с денежными средствами, приобретенными им в результате незаконного сбыта наркотических средств, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами. Из материалов уголовного дела следует, что Х. в период осуществления незаконного сбыта наркотических веществ оформил на свое имя и активно использовал в своей преступной деятельности виртуальный счет онлайн-кошелька Bitcoin, на который получал как участник организованной преступной группы криптовалюту в качестве оплаты

своей деятельности по закладке наркотических средств в тайники на территории Республики Крым. Криптовалюту Х. конвертировал в рубли и через платежную систему Qiwi переводил на принадлежащую ему банковскую карту. Получив денежные переводы, Х. обналичивал их в банкоматах на территории Республики Крым и использовал для оплаты текущих расходов на личные нужды.

Рассмотрев уголовное дело в отношении Х., суд указал, что доказательства, подтверждающие совершение им указанных финансовых операций, не свидетельствуют о виновности подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ. Как было указано судом, для наличия данного состава преступления необходимо совершение не просто финансовых операций или сделок с имуществом, полученным преступным путем, а действий, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей и придание им видимости законности (внесение в уставный капитал организации, на банковский вклад, покупка активов, приносящих доход, покупка и последующая продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг и пр.). Это обстоятельство отличает уголовно наказуемую легализацию от основного преступления, совершаемого с использованием финансовых институтов, целью которых является конспирация как способ получения дохода от незаконного оборота наркотиков для личных нужд, что охватывается диспозицией ст. 228¹ УК РФ³.

Таким образом, Х. осуществлял финансовые операции с денежными средствами, приобретенными им в результате совершения преступления, как было отмечено судом, в целях конспирации. В связи с этим, имея фактическую возможность владеть преступно приобретенными денежными средствами, Х. переводил их с одного счета на другой, не придавая им, таким образом, законного вида.

Одно дело – фактически иметь право владения, а другое – иметь юридическую возможность подтвердить его. И в данном случае состав легализации (отмывания) ст. 174¹ УК РФ похож на состав преступления, предусматривающего ответственность за мошенничество, совершенное в форме приобретения права на чужое имущество, но лишь в том, что в обоих случаях

³ Приговор Ялтин. гор. суда от 20 сент. 2017 г. по материалам дела № 1-336/2017. URL: https://yalta--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=2025604248&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1

создаются фиктивные основания владеть преступным имуществом.

В. Н. Винокуров под приобретением права на имущество понимает приобретение путем обмана или злоупотребления доверием документа, предоставляющего правомочие распоряжаться имуществом, содержащего персональные данные о человеке, получившем такое право, а также идентификационные данные об имуществе, передача прав на которое должна быть зафиксирована в соответствующих реестрах, регистрирующих переход прав [2, с. 25].

Таким образом, если мошенничество в форме приобретения права на имущество окончено с момента приобретения возможности распоряжаться имуществом как своим собственным, то легализация (отмывание) представляет собой совершение тех же действий, но считающихся оконченными с момента приобретения законной возможности владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом как своим собственным.

Кроме того, легализация, как и мошенничество, является тем же приобретением права на имущество, только на то, на которое в результате предикатного преступления не было приобретено никакое правомочие. В связи с этим цель легализации может быть достигнута в результате тех действий, которые могут наделить лицо, их осуществляющее, правомочиями владения, пользования либо распоряжения или одно-

временно всеми правомочиями собственника, но не в результате самого распоряжения преступно-приобретенным имуществом.

Таким образом, состав легализации (отмывания) будет иметь место лишь в том случае, когда в результате действий лица будут созданы доказательства, обосновывающие законный характер происхождения имущества, приобретенного им в результате совершения преступления, и владения им, что будет приравниваться к наличию у виновного права собственности, т. е. возможности владеть, пользоваться и распоряжаться, что создаст уверенность у окружающих в законности любых действий с этим имуществом. Такими доказательствами могут выступать: приобретение права собственности в результате заключения лицом фиктивного договора купли-продажи с преступно приобретенным имуществом; владение и пользование имуществом не в результате каких либо сделок, а в результате действий, которые могут выступать основанием законного владения и пользования имуществом, например, в результате перечисления денежных средств на счет лица, не осведомленного о такой деятельности, с последующим обналичиванием денежных средств. В результате этого лицо устраняет свою связь с преступно приобретенными денежными средствами, поскольку снимает их с чужого счета, без ведома его владельца. В связи с этим источник происхождения денежных средств будет известен только ему.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2007. 240 с.
2. Винокуров В. Право на имущество и имущественное право как способы описания предмета преступления против собственности // Уголовное право. 2011. № 4. С. 21–25.
3. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2016. Т. 2. 1009 с.
4. Ибраимов Р. Т. Право собственности в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // International Scientific Review. 2016. № 5 (15). С. 77–80.
5. Маттеи У., Суханов Е. Основные положения права собственности. М., 1999. 384 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. 944 с.

References

1. Alekseev S. S. *Pravo sobstvennosti. Problemy teorii* [Ownership. Theory Problems]. Moscow, Norma Publ., 2007. 240 p.
2. Vinokurov V. *Pravo na imushchestvo i imushchestvennoe pravo kak sposoby opisaniya predmeta prestupleniya protiv sobstvennosti* [Right of Property and Property Right Indication as Object for Crime]. *Ugolovnoe pravo – Ugolovnoye Pravo Journal*, 2011, no. 4, pp. 21–25.
3. Belov V. A. (Ed.) *Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. T. 2* [Civil Law. Actual Problems of Theory and Practice. Vol. 2]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 1009 p.
4. Ibraimov R. T. *Pravo sobstvennosti v sisteme konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [Propriety Right in the Constitutional System of Rights and Freedoms of Human and Citizen]. *International Scientific Review*, 2016, no. 5 (15), pp. 77–80.
5. Mattei U., Sukhanov E. *Osnovnye polozheniya prava sobstvennosti* [The Main Provisions of Property Rights]. Moscow, 1999. 384 p.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, 1999. 944 p.